

Саймон Кричли

О ЧЕМ МЫ ДУМАЕМ,
КОГДА ДУМАЕМ
О ФУТБОЛЕ

В футболе все усложняет присутствие соперника.

Жан-Поль Сартр

Саймон Кричли

**О чем мы думаем,
когда думаем о футболе**

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 796.332 + 165.62 + 11
ББК 75.578 + 87.1

Кричли С.

О чем мы думаем, когда думаем о футболе / С. Кричли —
«Азбука-Аттикус», 2017

ISBN 978-5-389-15092-8

Футбол «умнее», чем многие другие виды спорта, и даже для того, чтобы быть болельщиком, нужен незаурядный интеллект. Убежденный в этом Саймон Кричли раскрывает секреты суперпопулярности этой игры, рассуждая о таланте и командной сущности, об эстетике и поэтике, страсти и расчете — и об ощущении совершаемого на поле здесь и сейчас волшебства. Кроме этого, он обращается к жизненной философии таких легенд, как Зинедин Зидан, Юрген Клопп, Билл Шенкли, Йохан Кройф и Брайан Клаф, чтобы воспеть всю мощь и изящество этой игры. «Красота здесь везде: красота игроков, насыщенная зелень травы, пересеченная четкой геометрией белых линий, красота постоянно меняющихся очертаний, взаимосвязанных и переплетенных движений, захваты и столкновения во время игры, динамика и комбинации на поле, красота баннеров и флагов, покачивающихся в руках фанатов, звук, сила и ритм их песен. И конечно же, это изящество, элегантность, раскованность и пластичность движений. Почему футбол так важен для многих из нас? Прежде всего потому, что эта игра сплачивает людей по зову сердца, а не по принуждению и дает каждому живое чувство общности интересов... Футбол дает нам понимание того, что значит быть человеком в этом мире» (Саймон Кричли).

УДК 796.332 + 165.62 + 11
ББК 75.578 + 87.1

ISBN 978-5-389-15092-8

© Кричли С., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Предисловие	10
Социализм	12
Чувственный экстаз	24
Десубъективизированный футбол	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Саймон Кричли

О чем мы думаем, когда думаем о футболе

Simon Critchley

WHAT WE THINK ABOUT WHEN WE THINK ABOUT FOOTBALL

© Simon Critchley, 2017

© Колосов В. А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

КоЛибри®

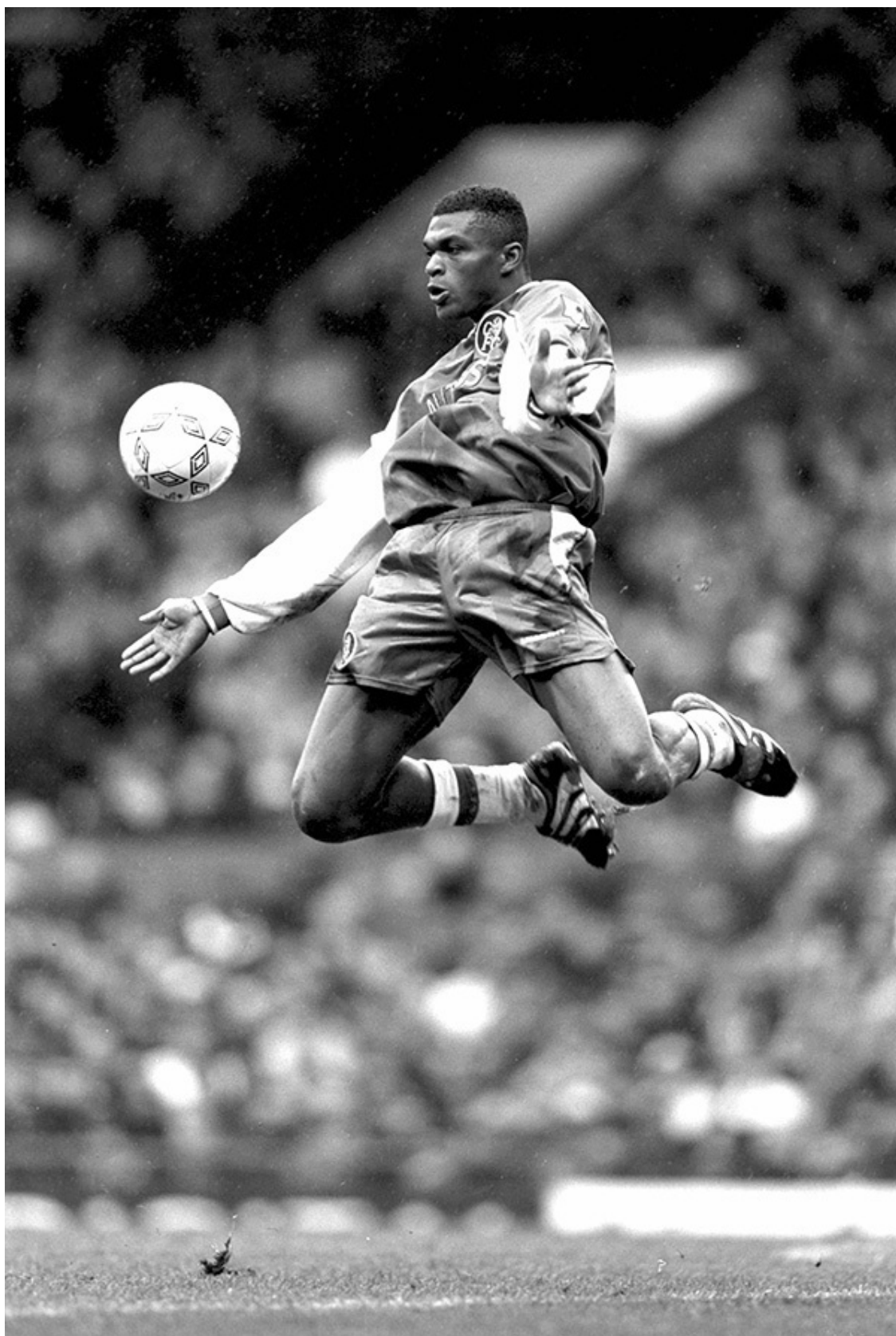
* * *

Мальчик отбивает мяч головой напротив граффити с изображением Лионеля Месси в индийском городе Колката (Калькутта), 2014 г. DibyangshuSarkar/AFP/Getty Images

Финал Кубка мира 1966 года. Джек Чарльтон с облегчением падает на колени, когда Джефф Херст (10) уходит с Мартином Питерсом после хет-трика на последних секундах игры. Popperfoto

Марсель Десайи («Челси») в игре против «Манчестер Юнайтед», март 1999 г. Игра завершилась нулевой ничьей. Ben Radford/Allsport

Мне жаль мальчика или девочку, мужчину или женщину, которых никогда не касалось очарование таинственной и полной чувств жизни с ее иррациональностью, если хотите, с ее настороженностью и

безграничным блаженством. Праздники жизни – это наиболее значимая ее часть, поскольку они покрыты, или по крайней мере должны быть покрыты, именно таким волшебством этих неосознанных чар.

Уильям Джеймс.

«О некоторого рода людской слепоте»

Роналдиньо («Милан») во время тренировки в Дубае, 2009 г. Karim Sahib/AFP

Предисловие

Сегодня суббота, 3 июня 2017 года, 22:00. Я сижу в Bowie Bar в Москве, который считается центром «альтернативного караоке». Здесь действительно тусуется приличное количество русских хипстеров, которые поют песни исключительно на английском языке. Я приехал в Москву, чтобы прорекламирровать мою небольшую книгу о Дэвиде Боуи, только что вышедшую на русском языке.

Хозяин бара Евгений Мяленков угощает меня водкой с тоником и делает несколько фотоснимков с гостями заведения. Это довольно странно, но он интересный парень, московский носитель чисто бруклинской иронии. Он поднимает штанину и демонстрирует мне большую красно-синюю татуировку на своей голени – это Боуи в образе Зигги Стардаста с перечеркнутым молнией лицом с обложки альбома *Aladdin Sane*. Поясняет: «Это смесь Боуи и лица дьявола».

Еще Евгений показывает мне много фотографий в своем Instagram. Большинство снимков сделано несколько лет назад, когда он был ярым фанатом ФК «Зенит» (Санкт-Петербург). Однако в последнее время он охладел к футболу: слишком уж много денег в игре. Теперь Евгений предпочитает баскетбол. «Он динамичнее», – объясняет он. Я молча киваю и, ничего не говоря, потягиваю свой напиток.

Во время беседы с Евгением я посматриваю на экран большого телевизора: там, с приглушенным звуком, идет футбол – финал Лиги чемпионов между «Ювентусом» и мадридским «Реалом». Реклама Газпрома повсюду – это главный спонсор матча, и, кстати, «Зенита» тоже, что и позволяет клубу приобретать самых дорогих легионеров. Я болею за «Ювентус», потому что мне всегда нравилась их форма – черно-белые полосатые футболки – и стиль игры от обороны. Им часто не везло в финальных матчах, и сегодняшний вечер в этом плане – не исключение. После напряженного, сбалансированного и захватывающего первого тайма «Реал» значительно прибавляет во втором и доводит матч до победы – 4:1. Любимец публики Криштиану Роналду забивает два гола, причем один из них фантастически красивый: после быстрой атаки с перепасовкой в одно касание с Лукой Модричем.

Вокруг меня московская молодежь распевает песни: ностальгический британский рок 1980-х – The Cure, The Smiths, классический хип-хоп и даже ранний Queen, который срывает

особенно громкие аплодисменты. После того как «Реал» забивает свой четвертый гол, привлекательный молодой человек в дорогих туфлях начинает петь «Burn the Witch» – первую песню из альбома группы Radiohead *Moon Shaped Pool* (2017). В целом у него получается неплохо, но сам трек довольно сложный, особенно если не обладаешь неповторимым фальцетом Тома Йорка. Кажется, что слова песни – «Избегай зрительного контакта», «Бесполезный разговор меж столов» – каким-то особым образом перекликаются с паранойей московской жизни, свидетелем которой я стал в этом городе.

На ум приходят мысли о предстоящем Кубке мира, который в 2018 году собирается принять Россия. Финальная игра турнира пройдет 15 июля в «Лужниках». Отчасти мой визит связан именно с мировым чемпионатом – мне необходимо проанализировать возможность вернуться сюда через год и попытаться посетить несколько игр турнира. Определенные наметки по этому поводу у меня уже есть.

Политическая ирония проведения Кубка мира в России в этот исторический момент слишком очевидна, и тому есть множество подтверждений. Если попытаться описать все странности нашего времени, то предстоящий футбольный чемпионат мира может оказаться идеальной квинтэссенцией причудливости эпохи: массовая структурная коррупция, угроза серьезных актов насилия со стороны фанатов, возрастающее культивирование звездного статуса вокруг игроков мирового уровня – и все это на фоне тотального корпоративного спонсорства, бесконечной рекламы крупнейших брендов и, разумеется, чудовищной а-ля вагнеровской музыки на стадионе. Это будет ужасно.

Но все же там будет и красота: красота игроков, великолепие самой игры и фанаты со своими песнями, странными нарядами и лицами, раскрашенными в цвета национальных флагов. Я не сомневаюсь, что в рамках чемпионата мы увидим ряд потрясающих матчей и нас ждет немало сюрпризов. Кто знает, может быть, Англия не сумеет выйти из группы, а Германия в кои-то веки не выиграет этот турнир?

Социализм

О чем мы думаем, когда думаем о футболе? Футбол – сложный механизм, который состоит из огромного количества деталей, порой взаимоисключающих и противоречивых: память, история, положение, социальный класс и даже гендерная принадлежность – здесь возможны варианты от сугубо мужского начала до возрастающей год от года женской идентичности. К слову, идентичность в футболе затрагивает не только маскулинность и фемининность, она объединяет роды, нации и целые группы – как футболистов, так и фанатов. Последние склонны к самовыражению – в агрессивной форме (что чаще) либо в миролюбивой (случается и такое), когда одна группа болельщиков с уважением относится к представителям других «кланов».

Футбол – это игра, в основе которой лежит тактика. Не будем забывать и о строгой дисциплине, равно как и о беспощадных тренировках для поддержания физической формы игроков и (что гораздо важнее) оптимального состояния всей команды. Говоря о команде, мы обычно имеем в виду целостную систему, выстроенную в динамической конфигурации. Это матрица движущихся и постоянно меняющихся местами узлов, стремящихся сохраниться в едином формате. Команда – это мобильная трансформирующаяся конструкция, противостоящая некоей тождественной системе соперника. Главная цель команды заключается в том, чтобы вне зависимости от выбранного стиля игры – агрессивного либо пассивного – захватить и контролировать пространство.

Футбольная команда это делает по очевидной аналогии с тактикой полицейских или военных, будь то атака или отступление, оккупация или осада. По структуре своей организации она должна быть как маленькая армия: компактная, единая, мобильная, квалифицированная и с четкой системой субординации. Нередко приходится слышать, что футбол – это не что иное, как продолжение войны иными средствами. Тем не менее эти средства достаточно воинственны, ведь их в полной мере оправдывает поставленная цель: «Победа любой ценой» (или же при самом пессимистичном сценарии – героическое поражение)¹.

¹ Наиболее полная оценка футбола, политики и войны в глобальной перспективе дается в книге *Simon Kuper. Soccer Against the Enemy*. N.Y.: Nation Books, 2006 [1994]. Также см. *Franklin Foer. How Soccer Explains the World*. N.Y.: Harper Perennial, 2005.

Билл Шенкли оттачивает походку на поле «Уэмбли», 1973 г. Evening Standard/Getty Images

Как любил говорить Билл Шенкли, герой моего детства и легендарный менеджер ФК «Ливерпуль» с 1959 по 1974 год, суть футбола заключается в двух принципиальных моментах:

это контроль мяча и умение играть в пас. Когда же на поле удастся сочетать и контроль, и пас и к этому добавляется движение и скорость, то в итоге команда обязательно забивает гол – разумеется, при условии, что после качественно сделанной передачи игрок выбирает правильный вариант развития атаки из двух-трех опций. Доводя данную мысль до логического завершения, можно сказать следующее: побеждает тот, кто забьет больше. Тут все предельно просто. Тем не менее великий Йохан Кройф в свое время заметил, что «играть в футбол очень просто, но играть в простой футбол – сложнее всего».

В отличие от гольфа, тенниса или даже бейсбола, крикета и баскетбола футбол нельзя назвать индивидуалистичным видом спорта. И хотя не вызывает сомнений тот факт, что главной движущей силой всей футбольной системы является воспитание «звезд» и ориентация на них, когда зарплаты игроков достигают нереальных высот на фоне постоянно растущих требований финансовой автономии, футбол – это не только индивидуальные игроки, независимо от уровня их таланта. Это командная игра, требующая синхронности совместных маневров на поле. Игроки находятся в постоянном движении, взаимодействуют друг с другом и «плетут хитрую паутину» общекомандных действий. Футбольные гранды уровня «Барселоны» могут себе позволить состав из талантливых мастеров высочайшего уровня, в то время как другие клубы довольствуются менее даровитыми профессионалами, которые тем не менее функционируют как сплоченная группа, как эффективная единица с механизмом самоорганизации, где каждый игрок в точности знает свое место и выполняет свои уникальные обязанности. На мой взгляд, «Лестер Сити» в английской Премьер-лиге сезона 2015/16 (тогда этому клубу действительно удалось вернуть футбол болельщикам), национальная команда Коста-Рики на ЧМ-2014 и сборная Исландии на Евро-2016 убедительно доказали, что футбол – это не просто сумма слагаемых игроков на поле.

И не случайно Жан-Поль Сартр в своих размышлениях о природе организации обратился именно к футболу². Свобода и порядок действий отдельного игрока, называемых Сартром *праксисом*, подчинены команде: они могут быть как интегрированы в систему, так и выходить за ее рамки, но коллективная деятельность группы позволяет совершенствовать индивидуальные показатели путем погружения в организационную структуру. Происходящие в организованной среде процессы можно охарактеризовать как постоянную диалектическую взаимосвязь коллективной ассоциативной деятельности группы и благоприятно развивающихся индивидуальных действий игроков, существование которых возможно лишь в рамках команды.

Сартр постоянно заостряет внимание на том, как организация способна структурировать индивидуальные и коллективные действия в условиях перманентно меняющейся динамики футбола. Персональные движения каждого игрока предопределены его задачами на игру. Например, хороший вратарь, достойный центральный защитник или полузащитник выполняют на поле свои особые функции, ценность которых возрастает по мере совершенствования на практике совместного созидательного процесса всей команды. Когда команда не в состоянии показывать целостную игру, ее коллективные действия распадаются на разрозненные – слаженность исчезает, футболисты начинают обвинять друг друга, а фанаты обрушиваются с критикой на всех подряд. Подобное положение дел недопустимо с любой точки зрения.

Коллаборативная сущность футбола распространяется и на модель коммуникации между игроками. Команда, в которой игроки работают на общий результат, разительно контрастирует с командой, где футболисты играют лишь для себя. Наглядным примером такого рода диалектики является противостояние Лионеля Месси и Криштиану Роналду. В данном случае я рассматриваю процесс взаимодействия внутри команды как функциональный элемент – своего рода эффективную интерактивную систему. Если у команды все получается на поле, то и за его пределами игроки будут ладить друг с другом. Хотя и необязательно. Так, некоторые игроки

² Jean-Paul Sartre. The Organization, Critique of Dialectical Reason. V. 2. London, N.Y.: Verso, 1991. P. 445–504.

сборной Франции – чемпиона мира 1998 года – никогда не контактировали между собой за пределами поля. Великий Эрик Кантона тоже был не слишком общительным, хотя именно он в значительной степени определял стиль игры «Манчестер Юнайтед», доминировавшего в 1990-х годах в английской Премьер-лиге. Учитывая возрастающее мультиязычие команд и различия в культурном диапазоне игроков (не говоря уже о том, что многие из них крайне молоды и их менталитет явно принадлежит другому поколению), мне любопытно, о чем они вообще могут разговаривать и что у них может быть общего. Однако гораздо важнее то, как они взаимодействуют на поле, общаясь на «языке футбола».

Эта модель коммуникации находит отражение и подпитку в коллективной жизни фанатов (а меня их мир интересует особо, и мы к ним еще вернемся). Кроме того, коммуникабельность как объединение распространяется и на само название спорта, который мы обсуждаем: полное англоязычное название игры – *association football* (футбол по правилам Ассоциации), оно появилось в 1863 году и со временем было сокращено, трансформировавшись в *soccer* (соккер). Позже этот термин был ошибочно признан американизмом, и им до сих пор пользуются в США и ряде других стран, однако и в Великобритании вплоть до 1970-х годов он часто употреблялся.

Итак, футбол – это «движение *социума*, свободная ассоциация людей», как сказал Карл Маркс в своей книге «Капитал» (хотя, к сожалению, он говорил не о футболе)³.

Почему футбол так важен для многих из нас? Прежде всего потому, что эта игра сплачивает людей по зову сердца, а не по принуждению и дает каждому живое чувство общности интересов. И, развивая данную тему, рискну предположить, что оптимальная политическая форма футбола – *социализм*.

Свобода в этом случае не рассматривается в отрыве от других членов социума и является коллективным достоянием людей, причисляющих себя к одной ассоциации, где коллективные действия включают в себя действия индивидуальные и приумножают их ценность. В этой связи уместно привести цитату Билла Шенкли, хотя в том же ключе высказывались и легенда бразильского футбола Сократес, и марксист Западной Германии, чемпион мира 1974 года в составе сборной ФРГ Пауль Брайтнер, и экс-капитан национальной сборной Аргентины Хавьера Санетти: «Социализм, в который я верю, – это не политика. Это образ жизни. Это гуманизм. Это когда все работают с одной целью и каждый получает свою долю вознаграждения. Так я вижу футбол, так же я вижу и жизнь».

³ Karl Marx. Capital. Vol. 1.

Пауль Брайтнер на послематчевом банкете. Пауль забил гол в финале ЧМ-1974, принеся сборной Германии победу над Голландией со счетом 2:1. Rolls Press/Popperfoto/Getty Images

Брайан Клаф, который входил в число активных пикетчиков во времена забастовок английских шахтеров в середине 1980-х годов, говорил следующее: «Для меня социализм исходит из сердца. Я не понимаю, почему определенная часть общества владеет привилегией на шампанское и большие дома?» Как отмечает Барни Роней: «Большинство клубов Премьер-лиги уходят своими корнями или в местную церковь, или в местный паб... Красноречивая иллюстрация заблуждений тэтчеристов, утверждающих, что общества как такового не существует»⁴.

⁴ Barney Ronay. Anyone want to play on the left? // The Guardian. 25 April 2007.

Конечно же такие социалистические настроения кажутся смешными, в самом деле забавными, особенно когда речь заходит об автократии и коррупции в FIFA – в этом центральном органе футбольной власти, с буржуазным комфортом расположившемся в Цюрихе. Но еще подобная сентиментальность смехотворна из-за массового и постоянно растущего влияния денег в футболе, где игроки поощряются или во многих случаях принуждаются своими ненасытными агентами-торгашами вести себя как наемники, где клубы всего лишь игрушки для супербогатых и влиятельных, где преданность болельщиков служит только инструментом монетизации, а их лояльность воспринимается как нечто само собой разумеющееся и используется в корыстных целях при любом удобном случае.

В этом, пожалуй, как раз и заключается одно из самых серьезных и глубоких противоречий футбола: его общественная формация – это ассоциация, социализм, общительность, коллективизм футболистов и болельщиков, и тем не менее его материальный субстрат – это деньги, грязные деньги из очень сомнительных источников, происхождение которых нередко вызывает вопросы у компетентных органов.

Футбол полностью коммерциализировался, насытился спонсорским финансированием, пропитался вульгарным и глупым брендингом (в этой связи достаточно вспомнить бесконечные рекламные ролики во время трансляций матчей Лиги чемпионов UEFA – Heineken в США, Газпром в России и так далее, а также вездесущие McDonald's и Budweiser, которые регулярно выступают в качестве главных спонсоров чемпионатов мира FIFA). Зрелище тотальной монетизации порой невыносимо вне зависимости от периода капитализма (позднего, самого позднего, последней минуты или даже конца света), который мы пытаемся пережить. Это может быть отвратительно. Но я по-прежнему настаиваю, что футбол – не только это. Футбол – это гораздо большее.

Здесь уместно привести еще одну цитату Кройфа: «Почему нельзя выиграть у более богатого клуба? Никогда не видел, чтоб мешок с деньгами гол забил». Возможно, то, что нас объединяет как зрителей и любителей игры, – это одновременная правда и неправда высказывания Кройфа.

Президент FIFA Зепп Блаттер объявляет Катар страной – хозяйкой ЧМ-2022 в Выставочном центре Цюриха, 2010 г. Laurence Griffiths/Getty Images

С одной стороны, нам необходима решительная и строгая критика коррумпированной транснациональной корпоративной структуры футбола. И в этом нам призван помочь анализ потоков капитала и распределения средств производства согласно Карлу Марксу либо же анализ соотношения сил в футбольном мире в духе Мишеля Фуко. При этом мы не должны оставлять вне поля нашего внимания неразрывные, имманентные связи между футболом и насилием, футболом и войной, футболом и колониализмом, футболом и расизмом, футболом и формами ретроградного и атаквистического национализма (ярким свидетельством которого могут служить жестокие столкновения между английскими и российскими фанатами во Франции во время чемпионата Европы в 2016 году, но таких печальных примеров много, имя им – легион). Необходимость в такой критике сегодня стоит как никогда остро – особенно в свете перспективы двух предстоящих Кубков мира (Россия-2018 и Катар-2022), решения по которым, бесспорно, принимались в условиях системной коррупции в FIFA.

С другой стороны, футболу в неменьшей степени требуется поэтика, более сфокусированная на форме и способная одновременно воспеть мощь и трогательную красоту этой игры. Аргентинский футболист и тренер Марсело Бьелса, вдохновитель для одних (убедительный пример тому – наставник «Тоттенхэм Хотспур» Маурисио Почеттино) и безумный гений для других (на родине Бьелсу окрестили «Сумасшедшим»), говорит, что «сущность футбола – это жест на страже интересов красоты»⁵.

⁵ Prof. *Juan Pablo Pochettino*. Marcelo Bielsa hablando de filosofía, estilos de juego y táctica. 20 January 2010. YouTube.

Аргентинский футболист Диего Марадона против группы бельгийских защитников в матче ЧМ-1982, который его сборная выиграла со счетом 1:0. Steve Powell/Allsport

Ибо красота здесь везде: красота игроков, насыщенная зелень травы, пересеченная четкой геометрией белых линий, красота постоянно меняющихся очертаний, взаимосвязанных и переплетенных движений, захваты и столкновения во время игры, динамика и комбинации на поле, красота баннеров и флагов, покачивающихся в руках фанатов, звук, сила и ритм их песен. И конечно же это изящество, элегантность, раскованность и пластичность движений. В этой связи я часто вспоминаю выдающегося футболиста Зинедина Зидана – особенно то, каким

он предстал в прекрасном фильме Филиппа Паррено и Дугласа Гордона 2006 года. Свежа в памяти и невероятная уравновешенность движений таких игроков, как Роберто Баджо, Паоло Мальдини, Тьерри Анри, Андреа Пирло и Андреса Иньеста.

Но при этом я также впечатлен простой грацией и изяществом целых команд. Взять хотя бы рисунок игры сборной Германии в полуфинальном матче против Бразилии, когда южно-американцы были повержены со счетом 7:1 на своем же, «домашнем», ЧМ-2014. Самое сильное впечатление производила именно простота немецкой игры: контроль мяча, пас, проход, передача, прием мяча, удар, гол.

Футбол нередко называют прекрасной игрой без какого-либо скрытого подтекста. Почему же он такой красивый и в чем заключается его очарование? В своей небольшой книге я попытаюсь ответить на эти вопросы, используя метод, который философы называют *феноменологией*.

Феноменология – это философская традиция, которая проявилась в самом начале XX века в работах немецкого философа Эдмунда Гуссерля, а затем нашла свое продолжение в трудах Мартина Хайдеггера, Жан-Поля Сартра и Мориса Мерло-Понти. На самом деле все очень просто: феноменология – это описание того, с чем мы сталкиваемся в своем повседневном бытии. Это попытка довести до уровня рефлексии все то, что мы оставляем без внимания во время неосознанного течения нашей жизни. Это попытка четко указать, что именно прячется в накопленном нами опыте. Именно поэтому Мерло-Понти описывает феноменологию как переосмысление взглядов на мир.

Именно феноменологический подход способен привести нас к поэтике времени, пространства, драмы и всех элементов того, что Уильям Джеймс называет «эта таинственная сенсорная жизнь», которые и составляют все многообразие футбольного опыта. Я надеюсь, что подобный подход позволит читателю увидеть красоту футбола несколькими другими глазами.

Как можно достичь разумного компромисса и сгладить противоречие между необходимостью критики футбола и возможностью существования его поэтики? Можно ли разрешить конфликт между ассоциацией и социализмом футбола по форме и безудержным капитализмом угрожающих масштабов по содержанию? Я мог бы трусливо заметить по этому поводу, что поставленная задача выходит за рамки моей компетенции в этой книге, но это прозвучит как дешевая отговорка. Но скорее я считаю, что противоречие должно оставаться неразрешенным: не столько в смысле диалектики, бросающей вызов любому примирению, сколько в виде свербящей раны, которую мы продолжаем расчесывать в начале каждой игры, каждого турнира, каждого сезона.

Футбол – это игра, которая увлекает и восхищает нас в той же степени, в какой и раздражает. Восторг и отвращение – две одинаково оправданные реакции на игру, и они чередуются с завидным постоянством в любом матче, который мы смотрим. Я бы хотел в своей книге сосредоточиться в первую очередь на восторге, на поэтике футбола, на феноменологии этой прекрасной игры.

Внесу ясность: я здесь не пытаюсь написать «философию футбола» и разработать ряд аксиом, категорий или принципов, не говоря уже о целой системе, базируя свои выводы на основе просмотров матчей⁶. Напротив, феноменология, философская традиция, которая мне наиболее импонирует, пытается сделать обратное: максимально приблизиться к структуре, текстуре и экзистенциальной матрице опыта в том виде, в котором он был получен, и разрешить словам эхом отражаться от переживаний таким образом, чтобы позволить нам увидеть приобретенный некогда опыт с другой стороны и в новом свете.

Раньше считалось, что футбол, будучи занятием обыденным, заурядным и даже в чем-то вульгарным, вряд ли достоин быть объектом философского внимания (помнится, в 1988 году, когда я заканчивал докторскую диссертацию по философии, мне даже пришлось сдерживать свой порыв написать посвящение легенде «Ливерпуля» Кенни Далглишу). Однако за последние двадцать пять лет все изменилось: футбол утвердил себя в качестве легитимного субъекта для серьезного писательства. Здесь я имею в виду Эдуардо Галеано, Дэвида Голдблатта, Пола Симпсона, Ули Гессе, Саймона Купера, Джонатана Уилсона, Барни Ронея, Барри Глендиннинга и многих других, кого я очень уважаю и чьи работы внимательно изучил, почерпнув там немало ценного. Если бы я носил шляпу, я бы снял ее в их коллективном направлении.

К своему удивлению и восторгу, в процессе написания этой книги я обнаружил, что многое из того, что я считаю истинным с философской точки зрения, такие общие понятия, как пространство, время, страсть, разум, эстетика, мораль и политика, оказывается верным и по отношению к футболу. На самом деле, возможно, эти понятия – единственно подлинными в футболе. И безусловно, это может также подразумевать, что философия сводится к какому-то предположительно тривиальному виду спорта или что футбол дает нам привилегированный доступ к постоянному пониманию того, что значит быть человеком в этом мире. Я очень надеюсь, что сумею убедить читателя в этом.

Я страстно влюблен в футбол всю свою жизнь, ведь смело можно утверждать, что это – одна из очень немногих вещей, которая связывает мою жизнь с жизнью других людей. Некоторые из них очень близки мне, как, к примеру, мой отец и сын, другие отстоят чуть дальше, хотя

⁶ Более полное собрание статей на данную тему содержится в книге *Ted Richards (ed.) Soccer and Philosophy*. Chicago & la Salle: Open Court, 2010; особое внимание стоит уделить главам 30–31.

одно из самых невероятных свойств футбола заключается именно в том, что это отличный способ постоянно приобретать новых знакомых, отношения с которыми со временем перерастают в крепкую дружбу. В своей книге я предпринимаю попытку объяснить эту страсть с помощью единственных доступных мне средств: философских концепций и текстов, которые, как мне кажется, наиболее тесно резонируют с футбольным опытом.

Голый болельщик «Ливерпуля» на поле во время матча Кубка Англии против ФК «Брайтон энд Хоув Альбион», стадион «Энфилд», февраль 2012 г. Paul Ellis/AFP/Getty Images

Также признаюсь, что данную книгу я написал, будучи далеко не беспристрастным. Моя единственная религия – футбольный клуб «Ливерпуль». Вся моя семья родом из Ливерпуля, и, хотя по материнской линии были какие-то отклонения в сторону «Эвертона», «Ливерпуль» всегда занимал доминирующую позицию в наших сердцах.

Я воспитывался в атмосфере фанатичной преданности этому клубу и всегда был уверен, что моя команда – лучшая, а ее болельщики – особенные, со своей уникальной культурой. Поэтому не вижу большого смысла скрывать свои пристрастия: лояльность к команде, чувство идентичности с ней, с ее городом и историей – это и есть футбольный опыт и то, о чем эта книга. И я в значительной степени повинен в «исключительности» стадиона «Энфилд». Я отдаю себе отчет в том, насколько эти слова раздражают поклонников других клубов, поскольку фанаты «Ливерпуля» всегда кажутся самодовольными: они уверены, что все с ними происходящее – значительнее, лучше, сильнее и глубже, чем где-либо или у кого-либо еще.

Очевидно, что все это совершенно бредово и эмпирически неверно. Когда преданность своей команде впадает в догматизм или переходит к вербальному или даже физическому насилию, то дело уже не только в том, что нечто пошло наперекосяк. Скорее, теряется сама суть футбола. Со своей стороны я попытаюсь сконцентрироваться на присущей футболу рациональности – именно она позволяет страстно болеть за свою команду, при этом проявляя толерантность и понимание к чувствам сторонников других клубов. В тот момент, когда встречаются фанаты противоборствующих команд, начинается спор, часто весьма интересный спор – с обоснованными аргументами и доказательствами с обеих сторон. Футбол – это и есть спор, и смысл моей книги заключается не в том, чтобы урегулировать этот спор, а в том, чтобы описать его и побудить к нему читателей.

Чувственный экстаз

Я бы хотел начать с поэтики футбола. Эту идею я позаимствовал у бельгийского писателя и деятеля искусств Жан-Филиппа Туссена. В 2006 году он опубликовал небольшое лирическое эссе «Меланхолия Зидана» (*La Mélancolie de Zidane*), а в 2015 году появилась книга, раскрывающая его особый взгляд на Кубок мира по футболу⁷. Автор высказывает любопытную мысль, что последний в карьере Зидана уход с поля в финальном матче Кубка мира 9 июля 2006 года был отмечен не столько красной карточкой рефери, сколько черной карточкой меланхолии. Тем не менее я нахожу общий подход Туссена к футболу разочаровывающим, несколько устаревшим и односложным. Английский перевод «Футбола» (*Football*) Туссена в пух и прах раскритиковал Саймон Купер, утверждающий, что это худшая из когда-либо опубликованных книг о футболе наравне с автобиографией Эшли Коула «Моя оборона» (*My Defence*)⁸. Учитывая, как много плохих книг было написано о футболе (в частности, изданных на заказ автобиографий игроков), можно сказать, что Туссен действительно отличился.

По мнению Купера, с которым я согласен, Туссен, ратуя за то, что футбол заслуживает серьезного интеллектуального подхода, игнорирует тот факт, что в мире футбола все более четко проявляется ярко выраженный и детализированный писательский стиль, по крайней мере с 1992 года – со времен «Футбольной лихорадки» Ника Хорнби. Но кажется, Туссен ничего не знает о таких известных журналах, как *FourFourTwo* и *When Saturday Comes (WSC)*, а также о недавно появившемся, но действительно отличном *The Blizzard*. Эти издания наполнены поистине увлекательными концептуальными и историческими размышлениями о природе футбола, а заодно на своих страницах они предоставляют гигантский архив материалов по аналитической социологии игры и ее культуре⁹.

Но когда дело доходит до размышлений о футболе, Туссену, на мой взгляд, в какой-то мере удастся обозначить основную проблему – так называемый временной фактор. Я попыта-

⁷ *Jean-Philippe Toussaint. Football. London: Fitzcarraldo, 2016.*

⁸ *Simon Kuper. Football promises to be a book no one will like and delivers // New Statesman. 7 May 2016; Ashley Cole. My Defence. London: Headline, 2006.*

⁹ *The Blizzard.*

юсь объяснить эту мысль. Футбол открывает особое измерение времени. Нагляднее всего это проявляется, когда мы смотрим игру вживую, с трибуны. В этот момент мы будто пойманы в сети, словно подвешены в напряжении, полностью поглощенные происходящим на поле. Мы пристально следим за игроками, движением мяча, действиями судей, реакцией болельщиков. Каждое мгновение этого настоящего влияет на ближайшее будущее, которое пока неизвестно. Произойти может все что угодно – даже то, что теоретически не может произойти никогда.

Мы всецело вовлечены в игру, внимательно и – я хотел бы акцентировать это слово – *вдумчиво* наблюдая за ее ходом. Мы стараемся ничего не упустить из виду, с нетерпением ожидая момент моментов, когда на поле произойдет что-то экстраординарное: внезапное ускорение игрока после вбрасывания мяча из аута, быстрый пас товарищу по команде, ошибка защиты, проход нападающего вправо, открытое пространство – удар! Го-о-ол! Где-то на трибуне вспыхивает петарда, над головами ликующих болельщиков клубится красный дым. Люди – приличные, взрослые, умные, серьезные, некоторые очень солидные, с хорошей карьерой и в почтенном возрасте – в едином восторге целуются, обнимаются и жмут друг другу руки.

В такие минуты мы как-то внутренне возвышаемся, чувствуя особое приподнятое состояние духа. Мы пытаемся отдышаться, мы шепчем себе: «Это действительно происходит». Происходит именно то, что Джеймс называет праздником жизни: некое реальное ощущение совершаемого здесь и сейчас волшебства, когда в состоянии крайнего возбуждения мы сливаемся в едином чувстве и переносимся из повседневности в какие-то высшие материи. Это именно то, что я называю *чувственным экстазом*.

Роберто Фирмино празднует второй гол «Ливерпуля» в ворота «Сток Сити» в победном матче английской Премьер-лиги, апрель 2017 г. Его татуировка в переводе с греческого означает: «Бог честен». Chris Brunskill Ltd/Getty Images

Многие люди (особенно американцы) считают футбол скучным. Это неверно, это они скучны, думая так. Напротив, футбол более медитативный и «умный», чем многие другие виды спорта. Футбол – это опыт подчинения потоку игры.

Великий приверженец *кальчо* из Италии Джанни Брера считал идеальным для футбола счет 0:0, когда противоборствующие команды играют в своего рода шахматы, сводя на нет усилия друг друга и достигая при этом абсолютного баланса и эстетической гармонии. Учитывая одержимость СМИ забитыми голами, бесконечно воспроизводимыми на разной скорости и с нескольких ракурсов, будет не лишним встать за защиту искусства оборонительного футбола.

Возможно, потому, что я сам когда-то играл на позиции защитника, я всегда находил странную красоту, наблюдая, как одна команда полностью аннулирует все старания другой. Назвать подобный матч безрезультатным – значит не уметь наслаждаться диалектическими радостями отрицания и тонкостями итальянского *катенаццо*, или так называемого засова, когда тактика команды полностью акцентируется на оборонительных действиях.

Можно вспомнить особый пространственный интеллект легендарного трио «ББК» – игроков «Ювентуса» Барцалли, Бонуччи и Кьеллини, позволивший создать лучшую защиту в современном мире футбола. Итальянская традиция оборонительного футбола хорошо известна – ее основу заложили еще такие игроки, как Барези и Мальдини, которые всю свою карьеру провели в «Милане» во времена футбольной гегемонии этого клуба. Безусловно, красота командной игры базируется на прочной, последовательной защите, которая зиждется на глубоком взаимопонимании между игроками, раскрывающемся в полной степени лишь спустя годы совместных тренировок.

Проблемный во многих отношениях Джозеф Блох, бывший голкипер и главный герой книги Питера Хандке «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым», говорит: «Хорошая игра проходит очень тихо»¹⁰. Ритм футбола – это не *стаккато* бейсбола или, скорее, стрельбы по тарелочкам, это больше *легато* с его плавным, непрерывным и неуловимым течением времени. Футбол – это также и об изменениях ощущения времени. Это изменения в интенсивности переживания, когда в какой-то момент время становится чем-то податливым, пластичным и эластичным.

Подобное происходит и с пространством. Футбол – это интерпретация пространства.

Немецкий нападающий Томас Мюллер, блистательный образец «ложной девятки», чья главная тактическая роль заключается в том, чтобы затаиться в штрафной площади соперника, получил прозвище *Der Raumdeuter* – пространственный интерпретатор, или даже исследователь пространства. Иными словами, пространство игры в футбол – это игра пространства.

¹⁰ Peter Handke. The Goalie's Anxiety at the Penalty Kick. N.Y.: Farrar, Strauss and Giroux, 1972.

Томас Мюллер – «исследователь пространства» для Германии. Contrast/Ralf Pollack/ullstein bild via Getty Images

Именно на этом моменте заостряет внимание Стивен Коннор в своей замечательной книге «Философия спорта» (*A Philosophy of Sport*), используя в ней метод, который он сам называет «культурной феноменологией», что очень близко по духу к тому, что я пытаюсь здесь выразить, за исключением того, что Коннор делает это для любого вида спорта, а не только применительно к футболу¹¹. Коннор заимствует замечания Мерло-Понти из его работы «Структура поведения» (*La Structure du comportement*) о разметке футбольного поля, чтобы показать: поле игры никогда не бывает простым объектом. Скорее, пространство игры допускает игру пространства, которая включает в себя, как пишет Мерло-Понти, «телесные интенции игроков, в то время как их намерения пронизаны и ориентированы пространством, в котором они должны быть введены в действие»¹².

Разметка футбольного поля предусматривает определенный, детерминированный способ действия и «отправные точки и ориентиры этого действия, как если бы игрок не знал о нем». Маркирующие поле линии – это эффективные направления силы, создающие среду, которая и формирует действия игроков. Тем не менее нельзя сказать, что сознание игроков обитает в этой среде как украшение на полке или пакет молока в холодильнике. Скорее, сознание – не что иное, как эта игра, эта диалектика между средой и действием. Пространство игры, как и время, податливое, гибкое и пластичное.

Футбол иногда ассоциируется с пьесой Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо», где ничего не происходит дважды. Если я смотрю матч с участием «Ливерпуля» или, что еще хуже, у сборной Англии затруднения в большом турнире, тогда игра может стать беспокойным девятидесятиминутным сном, цепким и бесконечным кошмаром, от которого пытаешься пробудиться, но

¹¹ Steven Connor. *A Philosophy of Sport*. London: Reaktion, 2011.

¹² Maurice Merleau-Ponty. *The Structure of Behavior*. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1965.

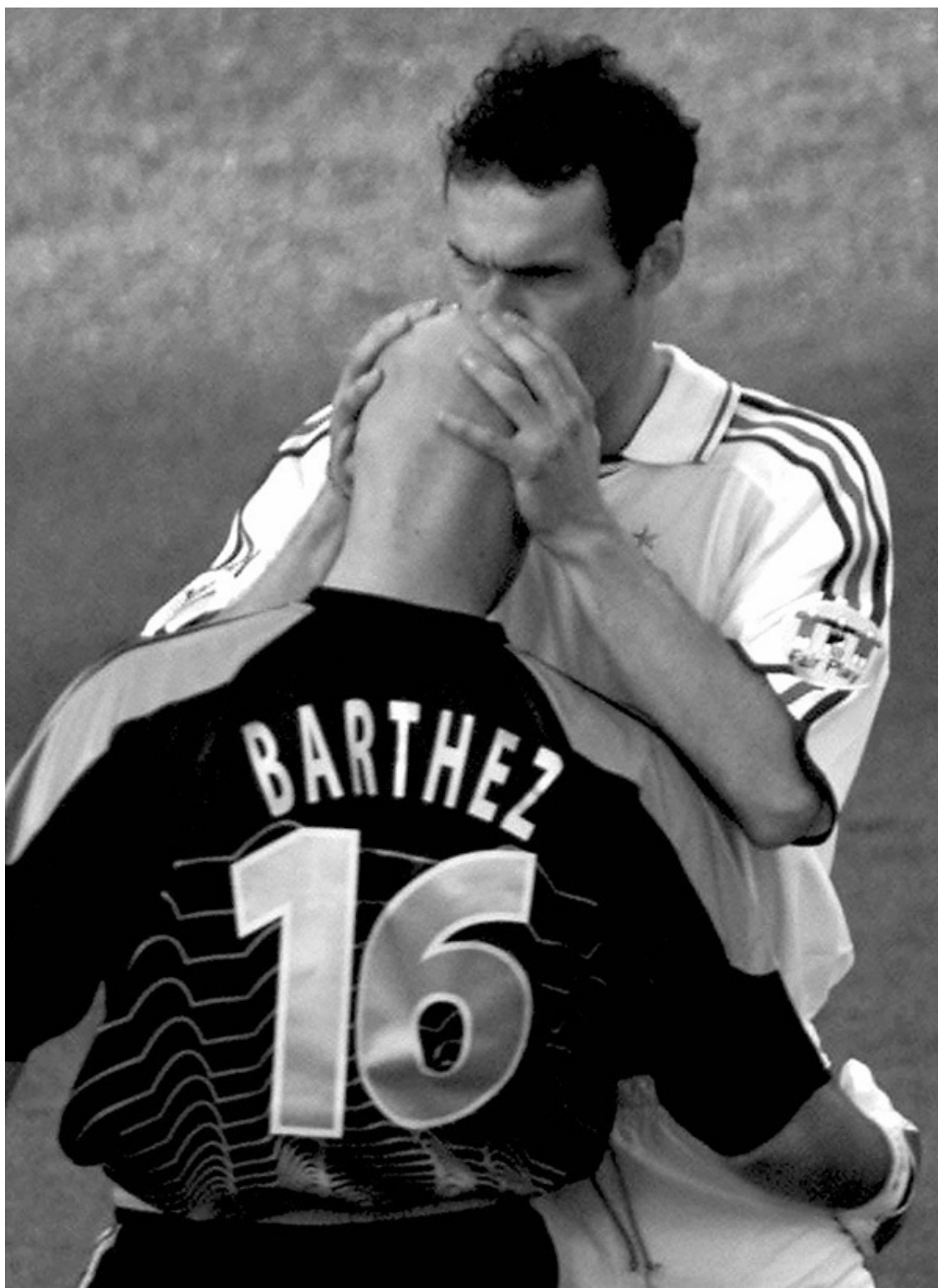
не можешь. Это ужасно. Но футбол может быть и чем-то еще, чем-то совершенно иным. Туссен предполагает со всей своей бельгийской непосредственностью, что, пожалуй, самая точная аналогия с подобной интенсивностью переживания в футболе – это половой акт. Как говорят философы, это эмпирический вопрос, ответ на который читателям лучше найти самим.

Итак, мы наблюдаем за игрой в ожидании момента моментов, находясь целиком во власти настоящего, с будущим открытым и неопределенным. В эту минуту прошлого нет, и оно постоянно продолжает стираться, как память золотой рыбки. Прошлые матчи довольно быстро забываются и иногда с трудом вспоминаются. Этот факт легко объясняет разницу между просмотром игры в прямом эфире и в записи. Хотя, безусловно, нарезка основных моментов может доставить массу удовольствия болельщикам (если только их команда не выглядела жалко), тренерам (очень важно для работы) и экспертам (не столь важно, но полезно).

По мнению Туссена, идущему вразрез с точкой зрения феноменологии Гуссерля, можно реактивировать процесс забывания футбола и предотвратить выпадение его в осадок быстро забытого прошлого. К месту и ко времени процитированное произведение изящной словесности способно освежить переживание футбола, «ухватить его движение, ласкать его краски, гладить его чары, восхвалять его волшебство». Туссен называет поэтику футбола *апотронеической магией*, которая может отразить зло полного забвения и неудачи.

Возможно, потребность в магии объясняет и то, почему футбол – такой суеверный вид спорта, а футболисты и их фанаты так преданы столь многим эксцентричным странностям. В моем случае это волшебная вера в то, что если я не буду смотреть игру «Ливерпуля», то они непременно проиграют. Они почему-то нуждаются во мне, сосредоточенно и с волнением наблюдающим за ними из Бруклина. Великий португальский футболист Эйсебио на время игры всегда клал в бутсу счастливую монету. Шведский игрок Нильс Лидхольм, играя за «Милан», постоянно советовался с личным магом по имени Марио Магги. Румынский бомбардир Адриан Муту всякий раз набивал в носки листья базилика. Криштиану Роналду помещает бутсы под бюст своего отца в день игры. Во время ЧМ-1998 капитан сборной Франции Лоран Блан перед матчем на удачу целовал лысину голкипера Фабьена Бартеза. Не столь широко известен и тот факт, что перед каждым матчем французская команда слушала песню «I Will Survive». Только представьте себе эту странную картину: галльская раздевалка, крепкие, рослые парни, среди которых Лилиан Тюрам, Марсель Десайи и сам Зизу, божественный голос Глории Гейнор – и тут внезапно кто-то начинает ей вторить, а пару секунд спустя уже нестройный хор поет слова: «Мне было страшно, что я пропаду»¹³.

¹³ Подробнее о предматчевых ритуалах и о многом другом читайте в превосходной, очень подробной и смешной книге Paul Simpson, Uli Hesse. Who Invented the Stepover? London: Profile, 2013.

Лоран Блан целует лысину своего партнера по сборной Франции Фабьена Бартеза перед полуфинальным матчем Евро-2000 против Португалии, июнь 2000 г. Olivier Morin/AFP/Getty Images

С точки зрения Туссена, переживание футбола может быть почти магическим образом вызвано силой слов в поэтической форме, которая тесно связана с переживаниями времен года, окружающей среды, меланхолии, времени и воспоминаний детства. В своем крайнем проявлении мысль Туссена доходит до суждения о том, что слова, способные сформировать и зафик-

сировать в памяти момент переживания футбола, могут спасти нас от смерти, даря ощущение преемственности прошлого и вероятность посмертного выживания через слова и жизни будущих фанатов. Несмотря на всю абстрактность, это воззрение имеет смысл для многих из нас на очень личном уровне.

Мой отец всю жизнь болел за «Ливерпуль», тренировался на стадионе «Энфилд» в начале 1950-х, пока не получил травму голеностопного сустава (после чего он стал всегда носить «челси» для поддержки лодыжки, впрочем, выглядел он в них весьма стильно). И честно говоря, футбол, вероятно, был единственной темой, на которую мы с отцом могли поговорить с какой-либо рациональностью и разделенной страстью. А мой собственный первый патриархальный акт насилия над сыном Эдвардом выразился в наводнении его комнаты вещами с атрибутикой «Ливерпуля» – я на корню хотел уничтожить вероятность того, что он станет болеть за какую-то другую команду (и это сработало). Недавно Эдвард мне напомнил, как в свои десять лет он попросил купить ему на Рождество футболку «Арсенала», поскольку в то время этот клуб был лучшим в Англии. Видимо, я даже ничего не ответил тогда, а попросту купил ему еще одну футболку «Ливерпуля». И то, что сейчас Эдвард – более информированный, более преданный и гораздо более разочарованный фанат «Ливерпуля», чем я, – источник особого, почти извращенного, морального удовлетворения для меня. Болельщикам моего поколения повезло увидеть «Ливерпуль» во всем его великолепии – на пике игровой формы в 1970-х и 1980-х годах. Тогда наша команда была непобедимой, непобедимой настолько, что «пришлось бы прислать кого-нибудь с Марса, чтобы обыграть ее», как сказал Билл Шенкли.

Я бы сказал, что за эти годы около сорока процентов разговоров и восемьдесят процентов переписки с моим сыном так или иначе касались футбола. Я не говорю, что это правильно, и не особо горжусь этим фактом, а просто объясняю, до чего многие из нас могут прийти, когда дело касается футбола. Ну и конечно же где-то внутри меня живет потаенная надежда, что мои внуки тоже станут болельщиками «Ливерпуля». Вот вам и мечты о жизни после смерти. Ладно, посмотрим.

Я бы хотел признаться кое в чем, что я никогда не упоминал публично. Около семи лет назад я отправился на стадион «Гудисон Парк», чтобы посмотреть мерсисайдское дерби между «Ливерпулем» и «Эвертоном». Компанию мне составили племянник Дэниел и сын Эдвард. Перед матчем я встал в очередь, чтобы купить напитки и какую-нибудь еду для парней, а себе – чашку крепкого «Боврила». Вдвигающейся параллельно соседней очереди, немного впереди меня, буквально в нескольких шагах, я увидел призрак моего отца. То есть это был сам отец. Я был уверен, что это он. Овал лица, форма носа, оливковый цвет кожи, двойной подбородок, волосы и даже походка – все было похоже. Я долго сверлил глазами его спину, но он так и не обернулся. А я не осмелился окликнуть его. Отдал парням их заказ и отправился на трибуну.

Игру мы выиграли со счетом 2:0. Стивен Джеррард сделал дубль, и мы были счастливы. По дороге в Бирмингем, где жил Дэниел, когда Эдвард задремал на заднем сиденье машины, я слегка смущенно поведал племяннику о случае перед матчем. Дэниел хорошо знал моего отца. Он тоже видел его там.

Десубъективизированный футбол

Футболу нужна поэтика, которая спасет его и нас от забвения. Это требует феноменологии, где на несколько мгновений, в те самые моменты моментов, ничто не мешает нам столкнуться нос к носу с непредсказуемой судьбой. Возможно, беспрекословное подчинение судьбе – это и есть единственно реальное переживание свободы, доступное для нас.

Попытаюсь предпринять какие-то шаги в направлении поэтики. Я хотел бы начать с размышлений о движении игры и ее природе, опираясь на чрезвычайно важную и влиятельную работу Ханса-Георга Гадамера «Истина и метод» (1960)¹⁴. Основная цель его книги – предоставить способ описания утверждений, соображений и суждений, сделанных в искусстве и гуманитарных науках такими средствами, которые нельзя свести к методам естественных наук или оправдать с их помощью.

Скорее, подобные утверждения нуждаются в теории интерпретации, которая позволит, по мнению Гадамера, обеспечить целую онтологию способов взаимодействия человека и мира. Это то, что он называет *герменевтикой*, и мысль, которая продвигает это воззрение, состоит в том, что те интерпретации, которые мы практикуем в нашем повседневном эстетическом опыте, раскрывают глубокие и неизменные структуры нашего бытия в мире.

¹⁴ Hans-Georg Gadamer. *Truth and Method*. London: Sheed and Ward, 1975. Особенное внимание стоит обратить на содержание главы «Игра как ключ к онтологическому объяснению» (Play as a Clue to ontological explanation). P. 106–135.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.